

С. Н. Искюль

**РЕВОЛЮЦИЯ В ОСВЕЩЕНИИ
ГЕТТИНГЕНСКОГО «REVOLUTIONS—ALMANACH»**

В сб. «Французская революция XVIII в.: экономика, политика, идеология»

М.: Наука. 1988. С.232-245

Веб-публикация: А.Силюнас и редакторы сайтов [Vive Liberta](#) и [Век Просвещения](#) 2009

Среди печатных изданий конца XVIII в., во множестве появившихся на свет в германских государствах под влиянием Великой французской революции и в той или иной степени отразивших все многообразие происходивших во Франции событий, был выходивший в 1793—1800 гг. в Геттингене «Альманах революции» («Revolutions—Almanach»). Этот во всех отношениях примечательный альманах редактировался известным геттингенским публицистом и писателем Генрихом-Августом Райхардом, который в предисловии к его первому номеру писал: «Этот исторический альманах посвящается, как уже следует из его названия, исключительно насильственным переменам и потрясениям, каковые претерпевали европейские государства и земли в древние и новые времена. Он состоит из отрывков, расположенных без хронологической последовательности и выбранных из описаний великих мировых событий, которые сделаны вполне откровенно и с приверженностью к истине. Если этот опыт получит одобрение, выпуск альманаха будет продолжен». Редактор альманаха вполне понимает что иные из этих событий скорее могут быть названы мятежами, чем революциями, однако же «огромное значение, которое имеет в наше время модное слово „Революция“, оправдывает его в выборе названия альманаха и причислении к революциям этих иных событий».

В заключении редактор давал понять, что он предвидит, какое осуждение вызовет этот альманах у тех, кто считает «*Insurrection des peuples*» самым священным долгом народов», у тех, кто требует «аутодафе» для сочинений Мезера, Гиртаннера и других критиков французской революции.¹

В этом первом, если можно так выразиться, программном высказывании редактора можно усмотреть и нарочитое употребление «*Insurrection des peuples*» без перевода на немецкий язык (как бы в стремлении подчеркнуть, что эта якобинская терминология чужда немецкому духу), и желание взять под защиту немецких публицистов и историков, чьи сочинения (особенно Гиртаннера) вызывали негодование и осуждение в среде немецких демократов.²

Может быть, именно это высказывание Г.-А.Райхарда, а также характер некоторых помещавшихся в его детище материалов явились причиной того, что историки, занимавшиеся германской публицистикой эпохи французской революции и сосредоточившие все свое внимание главным образом на немецкой публицистике якобинского толка, оставили в стороне многие другие издания, в том числе и «Альманах революции».³

Альманах возник в тревожное и смутное для судеб германских государств время, вскоре после того, как осенью 1792 г. появление 18-тысячной французской армии под командованием генерала Кюстина в Шпайере и Вормсе вызвало панический страх у государей прирейнских германских княжеств.

Тогда, как и прежде, своекорыстие, подавлявшее проявление верноподданнических чувств по отношению к Империи, было отнюдь не чуждо владетельным князьям, как не чуждо было им и ставшее к концу XVIII в. почти традиционным стремление к установлению особых, если не сказать вассальных, отношений с Францией. Однако осенью 1792 г. германские государи были отнюдь не склонны к возобновлению своих прежних отношений с Францией, прекращенных с падением королевского режима. Об организации сопротивления французам в крошечных имперских княжествах не могло быть и речи: достаточно было одного летучего отряда французской кавалерии, чтобы надолго нагнать страху и ужаса на левом берегу Рейна. Трирский архиепископ, его приближенные, многие французские дворянские семьи, жившие в эмиграции в Кобленце, спасались бегством вниз по Рейну. Майнцкий курфюрст перебрался через Рейн в Ашафенбург и Вюрцбург, что вызвало паническое бегство духовных особ и местного дворянства. Некоторые германские государи объявили нейтралитет: на границах Пфальца стояли врытые в землю столбы с надписью «Пфальцская нейтральная область». Сопротивление победоносной французской армии было оказано лишь пруссаками, удержавшими крепость Эренбрейтштайн от сдачи, и войсками Вильгельма IX Гессенского, отчаянно сражавшимися с французами у Фридбергских ворот (Франкфурт).

20 октября 1792 г. революционные войска подошли к Майнцу, крупной имперской крепости на Рейне. Уже через день была подписана капитуляция и имперские войска были выведены из крепости. Падение Майнца и события, связанные со становлением «майнской республики», которые явились высшей точкой подъема народного движения в германских землях, были в значительной мере подготовлены самой атмосферой «майнского» Просвещения, деятельностью ученых и литературных кругов, революционными выступлениями городских ремесленников и крестьян окрестностей, вспыхнувших под прямым влиянием Французской революции. Революционно-демократические элементы Майнца, организовавшие якобинское «Общество пропаганды», с величайшим интересом следили за событиями в Париже. После занятия Майнца войсками Кюстина они активно содействовали распространению революционных идей, основав у себя клуб якобинцев, который вскоре приобрел множество приверженцев. В марте 1793 г. собрание майнцских «клубистов» под председательством видного деятеля германского якобинского движения Георга Форстера постановило «весь край от Ландау до Бингена преобразовать в республику, отрешившись от всяких связей с Германской Империей, и объявить навсегда упраздненными державные права духовных владетелей Майнца, Вормса и Шпайера, князей Нассауского, Баденского, Зальмского, Ляйнинского, а также графов, дворян и имперских городов...» 21 марта «Рейнская республика» заявила о своем желании присоединиться к Французской республике. Во главе делегации, которая передала Национальному Конвенту акт о присоединении Майнца к Франции, был Г.Форстер. Однако вскоре после этого, как следствие измены генерала Дюмурье, французские прирейнские области оказались утраченными и бывшая имперская крепость Майнц была осаждена прусскими и имперскими войсками. Спустя несколько месяцев после ожесточенного сопротивления Майнц был сдан прусским войскам.

Поражение майнской коммуны с вступлением в город пруссаков отозвалось по всей Германии строжайшим надзором за печатью и крутыми полицейскими мерами против всякого свободомыслия.

В этих условиях и возникает альманах под несколько претенциозным названием «Альманах революции».

Историк Эберхард Зауэр писал, что название нового альманаха явилось той самой причиной, которая вызвала прилив «сильной поддержки друзей Революции», поверивших, что «перед ними детище их приверженцев». У Э.Зауэра были даже основания полагать, что владетельная герцогиня Готская, симпатизировавшая французской революции, также была введена в заблуждение.⁴ Историк не привел в подтверждение своего мнения ни одного факта, а между тем в предисловии к изданию 1794 г редактор альманаха благодарил подписчиков, взносы которых способствовали продолжению издания.⁵ Если согласиться с точкой зрения Э.Зауэра, то возникает вопрос, были ли среди подписчиков последующих изданий альманаха те, кто приобрел первое (1793 г.) издание, будучи введен в заблуждение?

«Альманах революции» — периодическое издание, выходившее раз в год, — отличался от прочих альманахов, например от петербургского «Придворного альманаха» или Готского календаря, тем, что в нем не печатались обычные для альманахов известия о генеалогии владетельных домов, сообщения о ярмарках или движении почты. По своему характеру, содержанию и назначению он был историческим сборником, причем приблизительно половина его материалов так или иначе освещала события Великой французской революции. Издание было довольно объемистым (в среднем свыше 300 страниц). Перепечатывались материалы и из других немецких и иностранных, главным образом английских, журналов, но основу составляли публикации самого редактора: три четверти публиковавшихся в альманахе статей, заметок, сообщений принадлежали его перу. Анонимные публикации сопровождалась, как правило, редакторскими примечаниями и предисловиями.

Альманах 1793 г. открывается публикацией отрывка лекции, прочитанной в Берлинской Академии наук 6 октября 1791 г. прусским статс-секретарем графом Эвальдом-Фридрихом фон Харцбергом. Воздав должное тому значению, которое приобрел сам термин «революция» (*das grosse Wort Staaten-Revolution*), Харцберг останавливался на различных типах революций, происходивших в мировой истории; их было, по его мнению, три — внешние, религиозные и внутренние. Насколько сложной и противоречивой оказалась задача такого обобщения, можно судить по тому, что к революциям в первых двух ее разновидностях Харцберг причислял завоевания Александра Македонского, основание Римской империи, образование Священной Римской империи, борьбу европейских государств против стремлений Людовика XIV к универсальной монархии и т.д.

К числу внутренних, а значит до некоторой степени ограниченных революций Харцберг, руководствуясь своей схемой, причисляет Великую французскую революцию: «Мы являемся сейчас свидетелями французской революции, — писал он, — по своим масштабам самой значительной из всех, которые происходили в истории и благодаря которой французская нация, просвещенная и подгоняемая новейшими философами, хочет учредить наилучшую из возможных конституций и даже превзойти английскую, стремится, соединив или смешав монархию и республику, гарантировать нации законодательную власть, а королю — исполнительную».⁶

Далее Харцберг высказывал мнение о том, что «если бы эта революция могла исправить или смягчить злоупотребления французской монархии, может быть скорее аристократические, чем деспотические, облегчить бремя налогов путем экономии и погашения долгов, преобразовать управление, сделав его более приемлемым с республиканской точки зрения (*mehr republikanisch*)», пойти на соглашение с Англией и Пруссией, то тогда «эта революция могла бы быть завершена с меньшим насилием и неистовством народа... она не унизила бы достоинства и личности монарха, который представляет нацию внутри страны и вне ее...»

РЕВОЛЮЦИЯ В ОСВЕЩЕНИИ ГЕТТИНГЕНСКОГО «REVOLUTIONS—ALMANACH»

Не следует опасаться, что другие европейские страны «так быстро» (!) последуют примеру французской революции, внушал Харцберг, ибо «ни одна нация не обладает таким вспыльчивым и мечтательным характером, как французская, ни одна не томилась под такой гнетущей формой правления и такими тяжкими налогами: все современные европейские формы правления, в особенности монархические, характеризуются умеренным образом правления, основанным на порядке и внутренней силе...». Одним из таких государств Харцберг, автор сочинения, в котором он оправдывал захват Фридрихом II Саксонии, разумеется, считал прусскую монархию последних лет правления Фридриха II и первых лет Фридриха-Вильгельма II.⁶

Это выступление Харцберга, вдохновленное конституционными тенденциями начального периода революции во Франции, несмотря на некоторые определенно отрицательные оценки, обращает на себя внимание справедливостью суждения о значении французской революции как события, далеко выходящего за пределы, очерченные самим Харцбергом для революций внутри европейских стран.

Далее в альманахе помещено анонимное сочинение, близкое к сатире, под многозначительным названием «Neueste Reise der Freyheit auf die Erde», представляющее собой описание путешествия изгнанной с Олимпа Свободы к своей ранее изгнанной сестре Равенству, которое заканчивается в Париже. В этом сочинении, как, впрочем, и в некоторых других материалах, публиковавшихся в «Альманахе революции», встречаются, сталкиваются прямо противоположные мнения и суждения. Главная идея «Путешествия Свободы...» — это безусловное осуждение «крайностей» якобинской диктатуры, которая вела свое начало от «всеизвестного» клуба якобинцев, «явившегося опорой и правой рукой новых законодателей». Вместе с тем автор подчеркивает ту всеобъемлющую значимость, которую вскоре после своего возникновения приобрел клуб якобинцев; он даже позволил себе выразиться следующим образом: «Человек отнюдь не пользовался никаким общественным авторитетом, если сам не являлся якобинцем». Судьба великого оратора Революции дала ему повод обратиться к читателю с вопросом: «Разве Мирабо, этот великий Мирабо, не пал с высоты своего величия, когда осмелился расстаться с якобинцами?» При общем настроении далеко не в пользу якобинского движения в сочинении «Путешествие Свободы...» нередко проскальзывают точные и справедливые оценки, в частности автор так говорит об отношении народных низов к якобинцам и якобинскому клубу: «Вся одержимая страстью к нововведениям, нация молится на коленях перед этим идолом». Рассуждая о значении якобинского движения в целом, автор отмечает, что «из всех общественных сил якобинский клуб был единственно действенной силой, способной привести в движение народ предместий столицы...»⁷

Материал «Путешествия Свободы...» самым непосредственным образом примыкает к специальной статье, посвященной истории якобинского клуба, где отмечается, что еще задолго до революции в Париже существовало «сообщество нескольких умных и сведущих людей», которые и явились вдохновителями проекта, «приведение коего в исполнение превзошло все ожидания». Среди авторов «проекта» названы граф Мирабо, герцог де Лозен и аббат Перигор (Талейран). Причем сведения об этом сообществе, как уверяет читателей автор, он получил от человека, входившего в этот круг еще в 1786 г. Название «якобинцы», по мнению автора, с момента начала французской революции... стало таким же полноправным в употреблении, как слова «нация», «философия», «патриотизм», «свобода», «законодатель», «конституция». В статье утверждается, что и при сохранении института монархии «настоящими правителями Франции были якобинцы. Они олицетворяли собой монарха, Национальное собрание, Конституцию, короче говоря,— все. Тысячи якобинских клубов, тесно связанные с основным клубом в Париже, сделали во Франции главной правящей силой».⁸

Вслед за этой статьей в альманахе следуют «Портреты якобинцев-депутатов» — краткие биографические сведения о таких деятелях, как «один из первых „Engage"» Бриссо, министр юстиции Колло д'Эрбуа, «ярый якобинец» Карита (маркиз де Кондорсе), президент якобинского клуба в Монпелье Камбон, «один из самых ярых парижских якобинцев» Манюэль.⁹ Анахарсису Клоотсу, философу-просветителю и публицисту, якобинцу и члену Конвента посвящена особая статья. В последующих томах альманаха имя этого бывшего барона из прусской Вестфалии встречается неоднократно. В статье подробно рассказано о «посольстве народов», во главе которого Клоотс появился на заседании Конвента 19 июня 1790 г., не будучи тогда еще его членом; приведены большие фрагменты из его выступления от имени «представителей народов мира», после чего Клоотс «получил титул *Orateur du genre humain*, который он носит и по сей день». Автор пишет, что «ревностный якобинец» и пылкий противник христианской религии Клоотс удостоился чести (вместе с Клопштоком, Шиллером и Кампе) получить гражданство Французской республики. В заключение приведены слова из благодарственной речи Клоотса в Конvente: «Сердце мое принадлежит Франции, а моя душа — санкюлотам!»¹⁰ В альманахе за 1794 г. приводится изложение и цитаты из речи Клоотса от 24 апреля 1793 г., в которой пылкий революционер бросал вызов тем, кто «по природе своей» принадлежал к санкюлотам, но «при этом имел слабость верить в бога».¹¹

В альманахе 1794 г. под рубрикой «Портреты некоторых якобинцев и некоторых депутатов Национального собрания...» были опубликованы заметки о Т.Пейне, Дантоне, Сантере, Петитоне, Миранде, дополнения о Кондорсе и Бриссо. Там же была опубликована заметка о гибели Марата.¹² В альманахе 1795 г. под рубрикой «Eine Gallerie von Memento-mori-Stucken fur Revolutions-Dilettanten» были помещены краткие биографии Байи, Барнава, Люкнера, Гильотэна, Фабра д'Эглантина, Бриссо, Шомета и их портреты.¹³ В ряде случаев эти заметки содержат выпады против представителей «крайних взглядов» и «террористов». Тем не менее заметки весьма содержательны и, несомненно, могли служить ценным источником для тех, кто исповедовал революционные взгляды.

Интересна помещенная в альманахе 1793 г. статья «Саксонские крестьянские волнения 1790 г.». Показательно, что ее автор не скрывает очевидной для последующих исследователей близости движения в Саксонии и событий Великой революции во Франции: «Эти волнения дали о себе знать в то время, когда пример французской революции нашел наибольшее число восторженных панегиристов и приверженцев и когда повсюду распространился панический ужас перед ниспровержением тронов...» Осуждая пробудившуюся социальную активность крестьянских масс, автор не замечает ее подлинных причин и видит в ней лишь «симптомы модных революционных головокружений». С неодобрением пишет он о том, что «целые общины» прекращали работу и сходились для того, чтобы обсудить возможности выхода из своего тяжелого положения, «произнося при этом хулу на судебное начальство». Неоднократно проводя параллель между событиями в Саксонии и Франции, автор «среди вреднейших следствий Революции» видит то, что «столь великое число прилежных рук было отлучено от работы, и их прежние промыслы стали им совершенно чуждыми». Как бы в пику германским «ниспровергателям Бастилии» и «людям 14 июля» он полностью отрицает появившиеся в немецкой печати сведения о фактах неповиновения и нарушения присяги в саксонских войсках, участвовавших в подавлении крестьянских выступлений. Подробно останавливаясь на своей версии подавления волнений саксонских крестьян, автор восхваляет «пример воинской дисциплины и верности германских солдат, усердие отдельных подданных, решительность и мягкость правителей страны, погасивших в зачатке пожар, пламя которого легко могло вспыхнуть в полную силу...». При других обстоятельствах, пишет он в заключение, «вся Германия могла быть приведена в хаотическое состояние французской анархии».¹⁴

При анализе некоторых материалов альманаха нередко возникает, правда, никак напрямую не подтверждающееся предположение, что их публикацией авторы (издатели) преследовали цели, которые отнюдь не всегда могут быть поняты однозначно. Например, на титульном листе альманаха 1794 г. помещено изображение принца Кобургского, того самого, на голову которого во Франции обрушивали гнев и проклятия и агентами которого (вкуче с Питтом) называли всех действительных и мнимых пособников контрреволюции. На фронтисписе же помещена изящная миниатюра, выполненная пером и раскрашенная акварелью, «Изображение древа Свободы и пик, которые были посажены в Майнце 13 января 1793 г.» На древе видна доска, на которой отчетливо выведена надпись: «*Raix aux peuples. Guerre aux tyrans*». С левой стороны для сведения указаны точные размеры посаженного дерева и воткнутых рядом с ним пик.

Публикация подобного «крамольного» рисунка в альманахе, не принадлежавшем радикальному лагерю, кажется по меньшей мере странной. Возникает уместный вопрос, зачем редактору понадобилось так наглядно, почти навязчиво, просвещать читателей о «майнцском древе», если в том же номере помещена другая, более скромная и не столь живописная миниатюра с изображением древа. Как бы то ни было, логичнее всего предположить, что в данном, как и во многих других случаях, редактор, намереваясь дать максимально полную информацию об интересующем читателей событии, далеко не всегда «подавал» ее в откровенно порочащем революционные принципы духе. Иными словами, в силу известного стремления редакции альманаха к объективности, ее информация о французской революции нередко носила до некоторой степени позитивный характер.

Альманах 1794 г. вернулся к теме «древа свободы», поместив заметку, перепечатанную из политического журнала Гиртаннера, в которой древо свободы и связанный с этим революционным символом праздник санкюлотов названы «весьма действенным инструментом» политики якобинцев. Автор заметки сообщает о том, что поначалу в германских землях для древа свободы выбирали преимущественно тополь, так как само слово «тополь» (*Populus*. — *С.И.*) по звучанию напоминало французские «*peuplier*» и «*peuple*» — «тополь» и «народ». Впоследствии этой практике строго не следовали и для народного праздника наряжали пихту или дуб. Далее автор во всех подробностях рассказывает, как должно выглядеть настоящее древо свободы, чтобы оно «производило внушительное впечатление», подобно «самому знаменитому древу свободы в Майнце». Ниже приводится текст известного обращения Г.Форстера к жителям Майнца («Граждане, гражданки и жительницы Майнца!»), призывавшего их 13 января 1793 г. на праздник вокруг древа свободы.¹⁵

В «Альманахе революции» 1793 г. к такого рода материалам может быть отнесена заметка «Пики и красные колпаки». Она помещена в разделе «*Über die verschiedene Producte des Franzosiche Revolution*» и содержит подробное описание пик — этого уличного оружия санкюлотов, — изготовление которых было предложено якобинцем Карра в «*Annales patriotiques*». Изображения некоторых пик помещены в конце статьи, причем там указывалось, что на многих из них был начертан девиз «*Mort ou Liberte*» и они были украшены флажками национальных цветов. Как бы предвидя интерес, который мог возникнуть у читателя, автор отсылал его к специальной брошюре, которая была написана офицером, «называвшим себя Другом Свободы». Брошюра называлась «*Manuel du citoyen arme de piques*» (Buisson, 1792)». Говоря о красных шапках, т.е. «фригийских» колпаках, пользовавшихся необычайной популярностью в эпоху французской революции, автор заметки отмечает, что они должны «символизировать собой счастье, которого хотят добиться для народа якобинцы», и далее продолжает: «С тех пор как король 20 июня должен был нарядиться в нее, слава этой шапки поднялась на небывалую доселе высоту».

В заключение описан обряд «крещения», который имел место в марте 1792 г. в Париже: новорожденную дочь барабанщика из предместья Сент-Антуан нарекли именем Pethion-National-Pique. «Крестины» украшали «бастильское знамя» и красная шапка, а вместо молитв присутствовавшие пели «Ca ira»¹⁶

В заметке «О некоторых словах, введенных в оборот французской революцией» идет речь о значении, которое приобрели различные слова в эпоху французской революции. Среди них такие, как «аристократ», «свобода», «равенство», «права человека», «свобода мысли». Объясняя новое значение слова «аристократ», автор пишет, что «французские революционеры и их союзники внутри и вне Германии придают слову „аристократ“ значение, сходное со значением таких слов, как „деспот“, „изверг“, „злодей“». При этом он справедливо подчеркивает, что «аристократ» на языке санкюлотов «может означать клеймо для всех классов, всех сословий, к ниспровержению которых они стремятся...». О «свободе мысли» в заметке говорится следующее: «Свобода мысли — есть одно из неотчуждаемых человеческих прав... Когда французское Национальное собрание приняло свою Декларацию прав человека, т.е. естественного права... тогда от одного конца Империи до другого раздался громкий глас труб о правах человека!»¹⁷ Разумеется, приведенные высказывания, как правило, соседствовали с отнюдь не восторженными суждениями о необычайно возросшей социальной активности масс, тем более что санкюлотские движения оказывали постоянное влияние на новую власть, пришедшую на смену свергнутому Старому порядку. Очевидно, что авторам как этой, так и других заметок и статей альманаха французская революция в ее крайних проявлениях была по меньшей мере чужда, если иметь в виду сложившиеся представления определенных слоев немецкого общества о порядке и незыблемости основ государства. Тем не менее влияние революции в германских государствах было столь сильным, что в ряде материалов альманаха авторы не могли не учитывать этого обстоятельства при освещении тех или иных сторон повседневной жизни французского общества эпохи Революции.

Альманах 1794 г. — последний выпуск, современный якобинской диктатуре, — несмотря на заверения редактора, что «во избежание всего, что граничит с «литературным санкюлотством», он позволит себе прописки и иные способы умолчания»¹⁸, содержал многие материалы, аналогичные материалам предыдущего номера.

Альманах открывается большой статьей «Уравнитель — письмо женева республиканца к женева же санкюлоту» (причем, как явствует из заглавия, это сочинение предназначалось и «санкюлотам» других стран). Достаточно было прочитать введение редактора, чтобы у читателя сложилось впечатление о сильном воздействии французской революции на Швейцарию, о влиянии так называемой «французской партии» в кантонах Цюриха и Берна, о возросшей популярности таких символов и атрибутов революции, как древо свободы или фригийские шапки, о возникновении всевозможных революционных обществ (Клуб санкюлотов, Марсельский клуб). «И не было ли счастьем для Германии, — вопрошает редактор, — что Кюстин захватил Майнц и прирейнские области, ибо ныне немцы собственными глазами узрели, что представляет из себя эта новая французская система, и не только жители окрестных земель, но и простой люд в других провинциях...?»

Автор собственно «письма», некий Пьете, возвращает читателей к теме, затронутой в прошлом альманахе, к одному из разделов заметки «О некоторых словах...» Рассуждая о «системе политического равенства», автор не отрицает полностью самую возможность установления равенства, но выражает сомнение, что этот принцип, который «должен стать одним из основных столпов нашего законодательства», уже в то время мог быть осуществлен в полную силу. Основное препятствие автор видит в том, что этот принцип, «на первый взгляд столь простой», истолковывается по-разному и далеко не однозначно.

Оставляя в стороне другие толкования категории равенства, автор выделяет главное, по его мнению, — равенство в правах, понимая под этим «право, в котором никому не могут отказать, не совершая при этом акта несправедливости». Однако даже обстоятельное обращение к «Духу законов» Монтескье («который в анналах истории изучал болезни общественного тела»), не приводит автора к ясному пониманию «системы политического равенства», ибо он не находит ответа на поставленные им самим вопросы о сущности «права», «справедливости» и пр.¹⁹

Продолжает, хотя и в совсем иной форме, тему, поднятую в предыдущем альманахе, письмо-статья «Schreiben eines reisenden Deutschen, dass die Neu-Franken noch die alten Franzosen sind» и в еще большей степени обширная статья «Geschichte des Custineschen Einfalls in Deutschland bis zur Wiedereinnahme von Frankfurt», которая в отличие от множества других статей, принадлежавших перу самого редактора, написана неким «очевидцем». На вклейке помещено гравированное изображение французского генерала Кюстина, деятельности которого в прирейнских областях, прежде всего в Майнце, посвящена статья.

Появление армии Кюстина в Германии представлено в статье как вполне естественное, особенно после поражения прусско-имперских войск при Вальми, когда французы обоснованно приписывали паническое отступление армии герцога Брауншвейгского «исключительно своей беспримерной храбрости и превосходству», которые делали их «непобедимыми солдатами свободы» в борьбе «против рабства деспотов». Повсеместно распространившемуся впечатлению о катастрофическом поражении способствовали, по мнению автора, и бесчисленные публикации, направленные против коалиции, во французских журналах, газетах и летучих изданиях. Эти публикации вдохновили деятельность страсбургского якобинского клуба, а также демократических обществ внутри самой Германии. Они явились главной причиной того, что «огромная масса» немецких жителей «во всем верила якобинцам», в частности тому, уточняет «очевидец», что «война с теми, кто несет с собой свободу, не может иметь иного исхода для судеб Германии, кроме гибельного».

Остановившись на военном прошлом генерала Кюстина и действиях французской армии в Германии, автор переходит к деятельности якобинцев, которая «уже давно не составляла никакой тайны... в рейнских провинциях и особенно в Майнце...» Говоря о «сильном распространении духа якобинства и демократии», он в первую очередь имеет в виду Георга Форстера, который «в своих высказываниях и заметках ко многим публикуемым им переводам откровенно сообщал о себе как о защитнике принципов революции». Помимо Форстера, «открыто проповедовали демократические взгляды в читальных обществах профессора Хофманн и Меттерних, а также Ликмайер, Ведекинд, Хартманн, Умпфенбах...» и «многие другие господа». В одной из лекций профессор Андреас Хофманн «после восторженной похвалы французской революции говорил: „Я разочаруюсь в Провидении, если подобная революция еще не скоро произойдет у нас“». Энергичная деятельность майнцских «клубистов» во многом способствовала тому, что военный совет Майнца принял решение о капитуляции. Несмотря на то что «при приближении французов майнцские граждане и студенты получили из цейхгауза оружие и заняли внутреннюю часть крепостных валов», город был подготовлен к сдаче, причем, как утверждает «очевидец», Георг-Фридрих Ведекинд «и другие» тайно договорились с Кюстином о сдаче города.

Вскоре после вступления французской армии в Майнц и неоднократно впоследствии генерал Кюстин обращался с воззваниями к населению. В статье цитируется его прокламация от 27 октября: «Я пришел в Германию, чтобы защитить слабых и убедить тем самым несправедливых правителей в том, что люди от рождения имеют равные права и их предназначение не в том, что они должны сносить имперское иго...»

РЕВОЛЮЦИЯ В ОСВЕЩЕНИИ
ГЕТТИНГЕНСКОГО «REVOLUTIONS—ALMANACH»

Всб «Французская революция XVIII в.: экономика, политика, идеология»
Vive Libertas! Век Просвещения 2009

Автор указывает, что Кюстин приказал составить прокламацию для всеобщего сведения и сообщить в ней, что контрибуция будет собираться не со всех граждан Майнца, но только с богатых «патрицианских» семей («только с тех потребую контрибуцию, которые на вас налагали непосильные тяготы, а сами себя от них освобождали»). В этом, как справедливо отмечает далее автор, проявилась повседневная практика руководства французских революционных армий, стремление французов привлечь на свою сторону «многочисленные бедные слои населения», рост политической активности которых стал весьма очевиден, чему в немалой степени способствовала деятельность майнцкого якобинского клуба.

В альманаче цитируется одно из выступлений Кюстина, в котором он, обращаясь к своим «новым братьям» (клубистам), заявил, что «хочет пронести свои знамена вплоть до Бодензее, хочет, чтобы Майнц стал столицей Германской республики...». Кюстину вторил Г.Форстер — в статье цитируется его знаменитое выступление в якобинском клубе, озаглавленное «Об отношении жителей Майнца к франкам. Присоединение левого берега Рейна к Франции»: «Рейн, великая, судоходная река, является естественной границей большого свободного государства, которое не желает завоеваний, но принимает только народы, свободно присоединяющиеся к нему... Если жители Майнца и прилегающих местностей выразят желание быть свободными и стать франками, то они будут включены в состав непобедимого свободного государства...»

В дополнение к статье, автор которой в ряде случаев проявляет свою неосведомленность, непоследовательность и предвзятость в изложении материала и оценках, в альманаче приведены два важных источника: «Заметка о некоторых членах майнцкого якобинского клуба» с данными о числе членов клуба на 1793 г. (454 «клубиста») и «Список появившихся к этому времени памфлетов и брошюр», где значатся 146 названий как революционных, так и контрреволюционных изданий, вышедших в Майнце с сентября 1792 г.²¹

Вопросу о свободе печати — «этом единственном паладиуме истинного просвещения и духовного развития» — посвящена большая статья «О немецком демократическом духе и немецких якобинцах. Наброски и размышления одного путешественника», которая, как следует из предуведомления редактора, была прислана в альманач в июле 1793 г. и по просьбе приславшего ее автора опубликована анонимно. Статья недвусмысленно направлена против «немецких друзей революции», против анонимных или «хорошо замаскированных, но также хорошо известных редакторов, составителей, распространителей многочисленных журналов, газет и летучих листков, в которых проповедовался мятеж, оправдывался бунт, порочились власти... и извергалась из сердец подданных привязанность к своим государям».

Автор не приводит полные названия журналов, которые «подрывают устои», заменяя их сокращенными, но эти названия легко поддаются расшифровке, в том числе и название того журнала, где был опубликован первый перевод «Марсельезы» и «Карманьолы» на немецкий язык. В статье не указано имя поэта-переводчика гимна французской революции, сказано только, что перевод был опубликован за его подписью, что переводу предпослано письмо, «враждебное порядку и германскому духу». Но читающая публика могла без труда установить его имя. Это был Иоганн-Генрих Фосс, решительные выступления которого «против деспотизма и суеверия снискали ему любовь всех истинных демократов».²² Несмотря на очевидную опасность «подрыва устоев» и «поношения, чуждые германскому духу», в статье были приведены две энергичные строки из перевода «Марсельезы».

Обращаясь к французской революции, которая явилась главной силой, вызвавшей к жизни «многочисленные журналы, газеты и летучие листки» в Германии, автор пишет, что «революцию во Франции называют революцией санкюлотов... однако эту революцию могли бы также назвать и революцией молодежи, ибо именно огромные толпы молодых людей и юных девушек, полных преклонения перед грядущими нововведениями, составляют большую часть ее приверженцев». Он делится своим чисто субъективным впечатлением: «Законодатели новейшей Франции — тоже большей частью безбородые юноши, чем отмечен ход их постановлений и мероприятий. Так что нужно отдать им должное — трудятся они, не покладая рук, для себя или себе равных...» Одним из таких постановлений автор считает декрет об упразднении дворянского сословия, «благодаря которому якобинская диктатура приобрела больше сторонников, чем каким-либо другим декретом революционного правительства».²³

Последующие номера «Альманаха революции» начиная с 1796 г. все более и более приобретают откровенно консервативный характер; в них публикуются материалы, в которых недвусмысленно одобряется, что во Франции шаг за шагом утверждается «более умеренное», по сравнению с якобинским, правление. Тем не менее при описании событий французской революции в ряде случаев публикации отмечены известной степенью логической последовательности и беспристрастия.²⁴ Можно предположить, что именно благодаря этой особенности политической ориентации альманах просуществовал сравнительно долгий срок, пережив многие другие издания подобного рода.

В заключение необходимо подчеркнуть, что само обращение к предложенной теме отнюдь не следует рассматривать как определенное стремление к коренному пересмотру сложившегося в историографии отношения в «Альманаху революции». Подробно остановившись на содержании первых выпусков альманаха, автор высказывается в пользу более плодотворного, по его мнению, неоднозначного взгляда на характер и политическую направленность материалов, публиковавшихся в геттингенском и иных изданиях,²⁵ безоговорочно относимых к обскурантистскому лагерю в немецкой публицистике, современной Великой французской революции.

1 *Revolutions—Almanach* Bey Iohann-Christian Dietrich. 1793. S.1—11.

2 Георг Форстер в письме Гейне (Майнц, 12 июля 1791 г.) писал: «...произведения, подобные тем, что пишет Гиртаннер, представляют для меня самое презренное из всего, что я знаю, ибо они превозносят класс людей, который пал столь низко под тяжестью собственных пороков, без какого-либо внешнего воздействия» (*Немецкие демократы XVIII века: Шубарт. Форстер. Зейме. М., 1956. С.426 и след.*).

3 См. статью Ф.Энгельса «Положение в Германии. Письмо первое» (Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд. Т.2. С.563), где речь идет о «раблепной немецкой прессе», которая публиковала «самые изощренные сведения о Париже». Пристальный исследователь германской якобинской публицистики д-р Хедв. Фёгт считает, что многие вопросы, связанные с дальнейшей разработкой темы, остаются еще не вполне раскрытыми (Voegt H. *Die deutsche jakobinische Literatur und Publizistik 1789—1800. В., 1955. S.16*). В ряде случаев Х.Фёгт касается «*Revolutions—Almanach*», но без основательного критического анализа публиковавшихся в нем материалов. (См.: *Ibid. S.15—16, 36, 77—78, 86, 101—102, 136.*) Одним из таких вопросов является, мы полагаем, специальное изучение публицистики, которую обычно не причисляют к демократическому лагерю. Это представляется немаловажным, ибо внутривнутриполитическая ситуация в германских государствах, если принять во внимание сильное влияние революционного примера Франции, складывалась по-разному, что существенным образом предопределяло и различные формы, в каких публицисты выражали свое отношение к событиям французской революции.

- 4 Sauer E. Die franzoisische Revolution von 1789 in zeitgenossischen deutschen Flugschriften und Dichtungen // Forschungen zur neueren Literaturgeschichte. Hrsg von Fr.Munker. Weimar, 1913 H44. S.72.
- 5 Revolutions—Almanach. 1794. S.1 — 11.
- 6 Ibid. 1793. S.17—18, 19—20.
- 7 Ibid. S.39—41.
- 8 Ibid. S.209—211.
- 9 Ibid S.259—261.
- 10 Ibid.
- 11 Ibid. 1794. S.304.
- 12 Ibid. 1795. S.253—263, 380—382.
- 13 Ibid. S. 108—159.
- 14 Ibid. S.63—80. Этот материал, по-видимому, был неизвестен Г.Шмидту, автору специального исследования (диссертации) «Die sachsische Bauernunruhen des Jahres 1790» (Meissen, 1907). Указание на это исследование см.: Кан С.Б. Два восстания силезских ткачей 1793—1844. М.; Л., 1948. С. 104.
- 15 Revolutions—Almanach 1794 S 246—249, Voegt H Op cit S.77—78.
- 16 Revolutions—Almanach 1793. S.203—206. В конце альманаха помещена заметка «Constitutionell Freyheit des Pouvoir executif den 20 Juny 1792» и гравюра с изображением Людовика XVI во фригийском колпаке с бокалом вина в руке среди вооруженного народа. См. также Noch etwas von rotten Mutzen. Ibid. 1794. S.250—252.
- 17 Ibid 1793 S.231—237.
- 18 Ibid. 1794 (страницы введения не пронумерованы) Вероятно, это пояснение редактора было вызвано критическими замечаниями в правой прессе.
- 19 Ibid. S.10-16.
- 20 Lesegesellschaft (общество для чтения), дававшее возможность «следить за новой литературой и обмениваться литературными и политическими мнениями», было основано в Майнце в 1782 г. Форстер называл его «читательским клубом», в котором граждане, «дерзко нарушая расклеенный во всех трактирах приказ, беседуют о текущих делах и обсуждают политику майнцского курфюрста...» (Форстер Г. Революционные события в Майнце Немецкие демократы XVIII века. С.314). См. также- Мошковская Ю.Я. Георг Форстер, немецкий просветитель и революционер XVIII века. М., 1961. С.200—202.
- 21 Revolutions—Almanach. 1794. S.92—112, 135—145, 146—155. См. указание на перечень памфлетов и летучих изданий в монографии Ю.Я.Мошковской (С.306). «Литература кюстинской эпохи» в Майнце, как нам представляется, нуждается в специальном исследовании. Это в свое время отмечала Х.Фёгт в своей работе о немецкой якобинской литературе (Voegt H. Op.cit. S.78).
- 22 Voegt H. Op.cit. S. 36.
- 23 Revolutions—Almanach. 1794. S.209—227.
- 24 Отметим в связи с этим, что «Revolutions—Almanach» за 1797 г. был включен в перечень изданий, доставленных в рижскую таможню и подвергнутых безусловному запрещению к продаже и иному распространению в России. Запрещение альманаха, как можно предположить, было связано с тем, что не только демократическая общественность Германии, но и ревнители отечественного благочиния были введены в заблуждение названием альманаха. Однако не исключено и то, что альманах сочли опасным после внимательного с ним ознакомления, получив в той или иной степени положительную информацию о событиях во Франции и германских государствах, особенно при том обильном цитировании французских источников, которым отличался «Revolutions—Almanach» (см.: Архив Государственного совета. 1796—1801 гг. СПб., 1883. Т.2. С.428, 445). Раз запрещенный, альманах уже более не попадал в поле зрения российских цензурных органов.
- 25 О том, насколько плодотворным может оказаться всестороннее исследование публикаций в периодических изданиях различных направлений, дает представление статья Э.Буле «Падение монархии в освещении трех гамбургских журналов» (Annales historiques de la Revolution francaise. 1984. N 1, 2. P.204—228).

С публицистикой, письмами и подробной биографией Георга Форстера можно познакомиться в нашей библиотеке: http://enlightment2005.narod.ru/private/Allem/schub_forst.htm#forst2